

МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ

Е.Н. Глазунова*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Предлагаемая статья продолжает серию публикаций Центра проблем безопасности и развития, начатую в 2012 г. В ней освещаются основные проблемы и этапы эволюции теории содействия международному развитию со времени ее появления до окончания «холодной войны». В статье определяется генезис девелопменталистики, выявляется комплекс факторов, влиявших на ее становление и развитие, характеризуются существующие в ней концептуальные подходы и направления. Отдельный интерес для автора представляет попытка обозначить место девелопменталистики в теории международных отношений. Особое внимание уделяется разграничению двух понятий — «экономика развития» и «теория развития».

Ключевые слова: содействие международному развитию, СМР, безопасность, «третий мир», развивающиеся страны, национальный интерес, секьюритизация развития, политический реализм, либеральный реформизм, экономика развития.

В октябре 2001 г. Энтони Блэр, выступая на конференции Лейбористской партии и характеризуя политическую и социально-экономическую ситуацию в Африке, назвал этот континент «рубцом на совести человечества» [14]. Многочисленные выступления политиков, журналистов и даже представителей мирового научного сообщества, в той или иной степени затрагивающие проблему противостояния «Север — Юг», буквально пестрят не менее физиологично звучащими вербальными конструкциями: «незаживающая язва цивилизации», «шрам на теле планеты» и т.д. Столь жесткие и неблагозвучные, но очень точные метафоры вызывают у слушателей и читателей именно те отклики, на которые и рассчитывают авторы: ощущение дискомфорта, почти физической боли и тревоги. Аналогия с «язвой» очевидна даже далеким и от меди-

---

* Глазунова Елена Николаевна — к.и.н., доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель научного руководителя Центра проблем безопасности и развития при ФМП МГУ (e-mail: lng@fmp.msu.ru).

цины, и от политики людям: многие (кто на собственном опыте, кто понаслышке) знают коварство этого заболевания. Оно может длиться годами и даже десятилетиями, мучить в период обострений и не приносить особенных страданий в период рубцевания и ремиссии, но финал в большинстве случаев один — рано или поздно незалеченная язва погубит человеческий организм. До недавних пор врачи не любили ставить этот диагноз, поскольку болезнь практически не поддавалась лечению. Однако если спросить медиков сегодня, они ответят, что пессимизм в прошлом. Поистине революционный прорыв в медицине был обусловлен обнаружением главного виновника заболевания — бактерии, получившей название *Helicobacter pylori* (за это открытие австралийским физиологам Б. Маршаллу и Р. Уоррену в 2005 г. была присуждена Нобелевская премия в области медицины). После этого была выработана методика лечения язвенной болезни, в основе которой — курс антибиотиков.

К сожалению, в отношении «африканской язвы» аналогии прослеживаются только в первой, «предоптимистической» части анамнеза. Возбудитель этой «болезни» давно известен — бедность, однако в данном случае правильная диагностика автоматически не предлагает универсальной методики лечения — социальные болезни не поддаются антибиотикам. Острота проблемы усугубляется тем, что задача искоренения бедности стоит не только перед Черным континентом. Она по-прежнему, как и более полувека назад, актуальна в отношении всего бывшего «третьего мира», а ныне «глобального Юга», и по-прежнему при всем несовершенстве способов ее решения альтернативы начатым более 60 лет назад программам помощи развитию этих регионов нет.

Содействие международному развитию (СМР) давно уже стало самостоятельным направлением мировой политики, и тот факт, что в ближайшее время оно будет продолжать интенсивно развиваться, представляется неоспоримым. Совершенно очевидно, что научное и политическое сообщество (как мировое, так и российское) все больше осознает степень опасности, которую таит в себе проблема бедности «глобального Юга». Как пишет отечественный исследователь К.П. Боришполец, «...низкие уровни дохода и потребления, голод и недоедание, плохое состояние здоровья, необразованность и неквалифицированный труд, недоступность источников чистой воды, отсутствие других санитарных условий и уязвимость перед социально-экономическими потрясениями <...> тесно взаимосвязаны и в целом создают систему существенных рисков на пути развития всего человечества» [4, с. 312–313]. В последние годы заметно интенсифицировался процесс расширения «клуба доноров»: даже совсем «юные» или едва успевшие встать на

ноги после серьезной трансформации страны (Азербайджан, Казахстан, Болгария, Венгрия, Румыния, Словения, Словакия, Хорватия и др.) заявляют о желании помогать международному развитию. На этом фоне заявление России о вступлении в ряды доноров и принятие в 2007 г. концепции участия в СМР выглядят вполне закономерными [7].

В том, что касается практики СМР, нашу страну трудно назвать новичком — она имеет за плечами внушительный опыт Советского Союза. К сожалению, этого нельзя сказать о теории развития: в то время как экспертные и академические сообщества западных стран уже на протяжении многих десятилетий уделяют ей самое серьезное внимание, для российской аудитории девелопменталистика — новая дисциплина.

Одной из задач созданного при факультете мировой политики МГУ Центра проблем безопасности и развития является посильный вклад в процесс формирования и реализации намеченного в государственной концепции РФ системного подхода к проблемам СМР, который включает в том числе подготовку профессиональных научных и практических кадров для работы в этой области. Изучение и ознакомление российской аудитории с достижениями девелопменталистики — еще одна важнейшая задача Центра. В предлагаемой серии статей мы попытаемся проследить историческую эволюцию базовых теоретико-методологических проблем данной научной дисциплины и охарактеризовать состояние современного дискурса по вопросам СМР.

* * *

Любая наука остается живой и востребованной только в том случае, если она связана с практикой. Теория развития — пожалуй, одно из наиболее ярких тому подтверждений. Международное развитие как самостоятельная научная дисциплина всегда являло собой пример взаимодействия и «взаимопроникновения» теоретических постулатов и конкретной политики. Теория рождалась из реалий международной жизни — практика почти одновременно корректировала прежние концепции и способствовала выработке новых.

История СМР насчитывает уже более 60 лет. За это время девелопменталистика прошла довольно трудный путь от свойственного ей в юные годы оптимизма и уверенности в собственной правоте до депрессии, растерянности и чуть ли не полного «самоотрицания», охвативших ее в 1980-е годы, в пору зрелости. Однако, к чести теории, следует отметить, что она, шагая в ногу с практикой, всегда умела позитивно реагировать на критику и другие «внешние воздействия»: ее ругали — она реформировалась, ее пытались хоро-

нить — она реинкарнировалась, реальность бросала ей новые вызовы — она их принимала. И тот факт, что сегодня в России ощутили необходимость ее «воссоздания» (причем не только в практическом приложении, но даже в сугубо научной, «кабинетной» ипостаси), еще раз свидетельствует о ее значительном потенциале¹.

На первый взгляд, понятия «теория развития» и «специалист в области развития» могут показаться странными. Действительно, проблемами развития в той или иной степени занимается любая наука. Ученые всех областей знаний, будь то физики, химики, биологи, психологи, социологи, историки, юристы и т.д., имеют дело с объектами, находящимися в постоянном *процессе развития*, и понятно, что только весьма специфическая исследовательская задача может заставить «вырвать» тот или иной объект из этого процесса. Однако в середине прошлого века на Западе начала оформляться особая область знания, получившая совершенно конкретное название — «развитие» (development), а работающие в этой области ученые стали называться девелопменталистами. Они задались вопросами: почему одни страны бедствуют, в то время как другие имеют высокие стандарты жизни, в чем причины отсталости и как можно искоренить бедность? Концепция развития, таким образом, была адресована развивающимся странам, *«третьему миру»*, или, как говорят сейчас, *«глобальному Югу»*. Фактически не столько *развитие*, сколько *отсталость* и *поиски путей ее преодоления* стали предметом новой дисциплины.

Строго говоря, между понятиями «развитие» и «содействие развитию», конечно, существует методологическая разница. Однако и теория, и практика СМР всегда соответствовали тем параметрам, которыми в каждый конкретный период истории определялось само развитие. В этой связи в данной статье мы будем говорить именно о *содействии развитию*, которое и представляет собой главный предмет исследования ученых-девелопменталистов, естественно, отталкиваясь при этом от конкретных интерпретаций базового понятия.

Несмотря на то что появление СМР в середине прошлого столетия было обусловлено политическими реалиями начинавшейся «холодной войны», своими корнями теория развития уходит в историю. Ее колыбель — Просвещение, стоявшее у истоков эпохи модерна и сотворившее концепты общественного прогресса, социальных реформ и экономического роста.

В фокусе настоящей статьи находится *теория*, иными словами, *совокупность идей, принципов или обобщенных положений, которые и*

---

¹ В качестве примера можно привести недавно опубликованный российским отделением Всемирного банка курс лекций «Содействие международному развитию» [11].

образуют науку. Однако прежде чем перейти к сущностной характеристике теории развития и проблемам ее эволюции, нужно начать с определений.

Теоретическая девелопменталистика оперирует несколькими ключевыми терминами. Пожалуй, наиболее важные из них – привнесенные Просвещением понятия «модернити» (*modernity*), «модернизация», «прогресс» и, наконец, само «развитие».

К сожалению, русское слово «современность» (даже когда его пишут с заглавной буквы) не передает всей глубины смысла западного понятия «*modernity*». Тем более сегодня, когда мы живем в условиях постиндустриального общества, употреблять его было бы методологически неверно, поэтому, как и прежде, приходится заимствовать иностранные слова и говорить о «модерне», или «эпохе модерна». Этим термином принято называть общество, перешедшее из «традиционного» в качественно новое состояние, характеризующееся, в свою очередь, такими явлениями, как капитализм, индустриализация, урбанизация, секуляризация, институционализация государства и т.д.

Важно понять, что развитие, прогресс и модернизация – это далеко не одно и то же. Многие ошибки, которые пришлось преодолевать теории развития, в значительной степени объяснялись именно тем, что эти понятия, особенно в первые десятилетия ее оформления, почти отождествлялись.

Согласно наиболее обобщенному определению, *развитие* есть необратимое, направленное, закономерное изменение объекта, в результате которого возникает его новое качественное состояние. При этом важно подчеркнуть, что мы умышленно даем наиболее общую, историософскую трактовку термина и стараемся избежать распространенного (до недавнего времени) в литературе значительно более узкого определения развития как процесса, направленного на повышение качества жизни индивидов посредством *экономического роста*. О концептуальных изменениях понимания сущности развития разговор пойдет далее.

Прогресс – это направление развития, переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Это всегда движение вперед, успех. В этой характеристике, по всей видимости, и заключается сущностное различие понятий «развитие» и «прогресс», поскольку помимо прогресса в развитии могут быть и регресс, и тупиковые ходы.

Под *модернизацией* (также в широком, историософском смысле) принято понимать сам *процесс* перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, т.е. обществу Современности (*modernity*). Этот процесс не произошел одновременно во всех государствах, вследствие чего в мире появились так называе-

мые лидирующие страны и страны с «догоняющим развитием». Как пишет российский ученый А.И. Яковлев, «критерий модернизации ясен: тотальная трансформация, переход всего общества от одной стадии развития к другой. Это понятие стало общепринятым в западной литературе и получило довольно широкое распространение в 1960-е годы, когда вследствие национально-освободительного движения в странах Азии и Африки в незападных обществах стал разворачиваться процесс внутренней трансформации по западной модели» [13, с. 17]. Тогда же шел поиск оптимальных путей содействия реформам, происходившим в этих обществах. Следуя опять-таки традициям Просвещения и исходя из идейного посыла об универсальности человеческой истории, ученые считали, что страны Запада, прошедшие этот путь и посредством модернизации достигшие прогресса, должны стать образцом для всех остальных. Так сформировалась универсальная схема развития, в которой модернизация — именно по западному образцу — стала и средством, и неизменным условием, и даже определенным этапом развития любого общества «от низшего к высшему», т.е. к прогрессу².

В отношении термина «модернизация» необходимы некоторые пояснения. Дело в том, что помимо выбранного определения существуют еще как минимум две трактовки этого понятия. Первая, наиболее общая — модернизация как синоним всех прогрессивных социальных изменений или, еще проще, любого «обновления» — нас интересовать не будет. Второе, специфическое значение этого понятия вытекает из выбранного определения (модернизация как процесс перехода к обществу модерна). Внутри него социологи различают два типа модернизации — первичную и вторичную. Под первой обычно имеется в виду «чистая» модернизация европейских стран-первопроходцев. Ее признаки были описаны еще классической социологией, в первую очередь М. Вебером. Исторически этот тип относится к эпохе промышленных революций. Вторичная модернизация — продукт послевоенной эпохи. Трудно не согласиться с утверждением известного российского ученого Ю.П. Бокарева о том, что эта родившаяся в совершенно конкретных исторических и политических условиях теория «отразила стремление США интеллектуально подчинить себе страны “третьего мира”, освободившиеся от прямой интеллектуальной зависимости, и по возможности включить в сферу своего идейного влияния социалистические страны во главе с Советским Союзом» [3]. Понятие «вторичная модернизация» относится только к «отсталым» регионам, где индустриальное общество формируется по кальке тех моделей, которые уже прошли апробацию на Западе.

---

² О теориях модернизации подробнее см.: [10].

В данном случае «слаборазвитые» государства рассматриваются исключительно как *объекты* модернизации, задача которых — догнать в развитии передовые страны. Именно этой трактовкой оперировали так называемые теории модернизации, которые на протяжении довольно длительного времени отождествлялись с общей концепцией развития.

Как раз этого отождествления мы и стремимся избежать — отнюдь не потому, что боимся стереотипов, оставленных былым политизированным восприятием данного термина у нас в стране, или считаем, что справедливая и довольно суровая критика, звучавшая в адрес теорий модернизации, окончательно их «убила». Причина в другом: мы уже говорили о том, что теория развития довольно гибко (хотя, с точки зрения ее критиков, недостаточно оперативно) реагировала на требования времени, и концепции модернизации в данном случае — не исключение. Главным стержнем их корректировки стал уход от односторонней, так называемой линейной трактовки с заменой ее на многолинейную версию модернизации. Теоретическое ядро современных исследований в рамках этого подхода (их называют по-разному: неомодернизационный, или постмодернизационный анализ) состоит фактически в отказе от прежнего «маршрута» модернизации по западному образцу, в признании того, что западные ценности и институты (например, демократия) не являются «священными коровами» процесса развития и имманентно присущими ему феноменами. Таким образом, исходное значение и смысл понятия «модернизация» просто перестают существовать, а сами теории себя исчерпывают и переходят в совершенно новое качество (хотя и с сохранением прежнего названия, теперь уже, по сути, взятого из наиболее общего определения, — просто «обновление»).

Время показало, что теория *развития* (как и сам термин *развитие*) шире, чем так называемые теории модернизации. Последние стали продуктом послевоенной эпохи, отразившим картину биполярного мира, и с точки зрения как теории, так и практики, несомненно, внесли серьезный вклад в их багаж. Однако эти теории следует рассматривать лишь в качестве составляющих и весьма специфических подходов более полной *теории развития*.

Даже беглого взгляда на выбранные нами понятия и их определения достаточно, чтобы понять: развитие — это чрезвычайно многомерный и сложный процесс, всегда привлекавший внимание исследователей из самых разных областей знаний. Теория развития с самого начала оформлялась как междисциплинарная наука, и сегодня можно с уверенностью утверждать, что в этом и сосредоточена ее сила. Однако не всегда фактор мультидисциплинарности служил ей на пользу. Несмотря на то что ученые никогда не стави-

ли под сомнение многогранность и взаимообусловленность всех аспектов развития — экономического, политического, социального и т.д., — они подчас по-разному объясняли причины отсталости и предлагали различные пути ее преодоления. Уже по тому, как представители тех или иных областей знаний расставляли акценты, объясняя предмет и очерчивая исследовательское поле изучаемой нами теории, можно судить о разнообразии составляющих ее подходов. Экономисты говорили об экономике развития; социологи — о модернизации; политологи и специалисты-международники — о безопасности и типах общественно-политического устройства; экологи — о так называемом устойчивом развитии.

Такое количество различных подходов рождает естественный вопрос: правомерно ли говорить о существовании единой *теории развития*? С нашей точки зрения, ответ вполне однозначен — да: во-первых, ученые, представляющие разные научные дисциплины, единодушны в том, что феномен развития — предмет самостоятельного исследования; во-вторых, как мы увидим в дальнейшем, несмотря на различия теоретико-методологических конструкций, эти подходы не просто пересекаются, но и в значительной степени влияют друг на друга.

В общей теории международных отношений (ТМО) девелопменталистика никогда не занимала заметного места: с момента возникновения и до настоящего времени она находилась там на положении «золушки». Достаточно отметить, что в огромном массиве учебников по международным отношениям, среди которых лидирует литература англо-саксонского происхождения, разделы по теории и истории содействия развитию (за редким исключением) просто отсутствуют, а сами понятия девелопменталистики и СМР встречаются крайне редко. С учетом важности этого направления в современной мировой политике подобная ситуация выглядит несколько парадоксальной. Объясняется сложившееся положение вещей, на наш взгляд, двумя взаимосвязанными причинами: во-первых, довольно жесткой и в основном справедливой критикой, которая с самого начала звучала в адрес теории и практики СМР³; во-вторых, тем, что на протяжении прошедших десятилетий она отождествлялась с теорией экономического развития, которая сегодня на языке специалистов называется «мэйн-стримом» девелопменталистики и, говоря прямо, является ее вчерашним днем. При этом мы отнюдь не стремимся умалить значение экономического аспекта в теории СМР, а лишь стараемся подчеркнуть фактор ее мультидисциплинарности.

---

³ Особенно тяжелый период девелопменталистике пришлось пережить в 1980-е годы, которые вошли в ее историю как «потерянное десятилетие» и «постдевелопмент».

Если попытаться структурировать теорию развития, то на верхнем уровне мы получим главное разветвление — две, на первый взгляд, конфликтующие, а на самом деле «сотрудничающие» парадигмы: общую (раньше ее часто называли классической, теперь, по нашему мнению, именно определение «общая» в большей степени отражает ее суть) и радикальную (критическую). Каждая из них (в особенности первая), в свою очередь, имеет внутри себя значительное число разветвлений — об этом речь пойдет далее. Пожалуй, наиболее отчетливо различия между двумя основными компонентами этого уровня видны в объяснении причин отсталости «третьего мира». В классической теории это внутренние условия бедных стран (в качестве основных препятствующих развитию причин сторонники этой парадигмы называли рост населения, коррупцию, неэффективность управления и т.д.). Приверженцы радикальной теории считали первопричиной отсталости внешние условия, а точнее — эксплуатацию этих регионов «богатым Западом» (в данном случае мы имеем в виду леворадикальное направление критики). Важно отметить интересный момент: такое деление четко прослеживается на протяжении всей истории теории развития и существует в рельефном виде до сих пор. Общая теория развития прошла серьезный путь модификации и переосмысления, при этом ее главный критик и «модификатор» (именно в таком смысле мы и отмечаем сотрудничество двух направлений) — радикальная концепция (опять-таки ее левое крыло) — предстает в значительно более «монолитном», последовательном и постоянном образе.

С точки зрения международно-политической науки и самой теории развития эволюция классического направления представляет особенный интерес. На первый взгляд, может создаться впечатление, что классический дискурс, «вылупившийся» вскоре после Второй мировой войны из американской либеральной идеи «глобального» содействия развитию отсталых регионов [11, с. 22], буквально в считанные месяцы совершил резкий поворот в сторону политического реализма и в дальнейшем сочетал базовые постулаты обеих канонических концепций ТМО. Однако если углубиться в проблему, то все оказывается не так однозначно.

Необходимо сделать небольшое отступление и вспомнить о мотивационных детерминантах, обусловивших рождение девелопменталистики, тем более что на протяжении полувековой практики СМР они остаются прежними (с той разницей, что в каждом конкретном месте и времени их рейтинг меняется). Во-первых (хотя порядок перечисления в данном случае значения не имеет), это гуманитарная, морально-нравственная мотивация (человек в силу природы не может и не должен оставаться равнодушным к

страданиям других людей, своих соседей по планете) — в специальной литературе эта детерминанта называется либо альтруизмом, либо филантропией. Во-вторых, политический компонент (приоритетны соображения безопасности в самой широкой трактовке этого понятия). Наконец, в-третьих, — экономические интересы [30, p. 10].

Казалось бы, сочетание перечисленных мотиваций не позволяет «втиснуть» теорию развития ни в одну из основных парадигм ТМО. Поместить ее в формат реалистической школы мешает альтруизм/филантропия. В то же время «эгоизм» государства (напомним, что мы ведем разговор главным образом об *официальной помощи развитию*, т.е., в отличие от деятельности филантропических организаций прошлого, основным актором в данном случае выступает именно *государство*), проявляющийся в стремлении обезопасить себя и реализовать свои «корыстные» экономические интересы, не позволяет отнести теоретическую девелопменталистику к либеральной парадигме.

Конечно, можно попытаться объяснить наблюдаемую нестыковку тем, что она являет собой пример примирения двух давно воюющих друг с другом канонических парадигм в ТМО. Однако подобное объяснение оставляет чувство неудовлетворенности и потребность все-таки обнаружить разрыв, который произошел в логической цепочке наших рассуждений.

Не нужно обладать особой интуицией или знанием, чтобы определить слабое звено этой цепочки. Конечно, это филантропия/альтруизм. Поскольку, как уже было сказано, речь идет главным образом об официальной, т.е. *государственной*, помощи развитию, возникает вопрос об уместности употребления этих терминов в данном контексте. Необходимо сразу оговориться: мы ни в коем случае не намерены изгнать или изъять эти понятия из девелопменталистского дискурса — они там были, есть и останутся на полных правах; наша задача — определить их смысл и значение, причем не только в теории, но и в практике СМР.

Начать, видимо, следует с того, что филантропия и альтруизм — далеко не одно и то же. Не вдаваясь в этимологию и историософское различие этих терминов, первый из них мы должны сразу же оставить в стороне, поскольку, как было отмечено, государственную помощь развитию нужно отделять от благотворительной (филантропической) деятельности различных негосударственных организаций и меценатов прошлого.

Уместность «альтруизма» в контексте СМР вызывает еще большие сомнения. Понятие «альтруизм» значительно «сильнее» филантропии. Как известно, оно происходит от лат. *alter* — *другой* — и введено в научный оборот философом XIX в., основателем

социологии О. Контом. Важно отметить, что французский мыслитель подчеркивал его значение как антонима понятия «эгоизм». «Живи для других» — именно этой формулой выражался нравственный принцип альтруизма. Он означал самоотверженность и бескорыстные поступки человека во имя блага *других* людей и зачастую во вред себе, поскольку благо *другого* и сам *другой* более значимы, чем собственное «я» и *мое* благо [12, с. 21].

Альтруизм как мотивация политики государства? Трудно удержаться от искушения и не попытаться вообразить себе реакцию знаменитого француза, основоположника понятия «государственный интерес» кардинала Ришелье. Впрочем, даже один из «отцов-основателей» либерально-демократического интернационализма В. Вильсон, полагавший, что во внешней политике государству следует руководствоваться теми же моральными императивами, что и любому индивиду, услышав это, скорее всего, изумился бы.

Тем не менее альтруизм в политике государств в сфере содействия развитию действительно присутствует, и тому есть несколько объяснений. Во-первых, альтруизм, более привычно и упрощенно понимаемый как «человеколюбие», необходим руководству государств для публичного обоснования политики помощи другим странам. Апелляция к чувствам сострадания помогает «продать» общественности непопулярную идею растрачивания бюджетных средств, т.е. *моих* налогов, на помощь *другим*. Во-вторых, в современных условиях участие в СМР способствует созданию и укреплению благоприятного имиджа государства, что вписывается в формат относительно недавно утвердившейся в ТМО концепции *мягкой силы*. Наконец, третье, ключевое, но, на первый взгляд, скрытое объяснение присутствия альтруистических мотиваций в политике государств может быть выражено формулой «живи для других, чтобы не погибнуть самому». И здесь с точки зрения теории мы можем наблюдать интереснейший поворот: казалось бы, совершенно гуманитарный и либеральный посыл содействия развитию слабых и отсталых регионов при ближайшем рассмотрении оказывается чуть ли не чисто гоббсовским государственным эгоизмом: помогать *другим* нужно для того, чтобы обезопасить *себя*. Таким образом, эта обнаруженная либералами связка безопасности и развития на поверку оказывается вполне отвечающей основным постулатам теории политического реализма — концепции безопасности и национальных (государственных) интересов. При этом она вовсе не является такой уж «невидимкой», просто читать ее нужно с точки зрения перспективы и долгосрочного понимания стабильности как гарантии выживания государств. Эта связка существовала задолго до появления теории и практики СМР, более того, именно она обеспечила рождение и той, и другой. Связку

развития с проблемами безопасности и необходимость действий, направленных на преодоление последствий «отсталости», подчеркивал известный американский публицист У. Липпманн. Он призывал «не поворачиваться спиной к слабым народам», думать над тем, как «установить сильное и современное правительство» в отсталых государствах, предлагал «модернизацию слабых наций», поскольку «пока эти страны слабы, там будет править беспорядок, целые нации будут погибать, а народы ссориться» [24, р. 28–29]. В 1920 г., на заре становления Версальско-Вашингтонского миропорядка, британский экономист Дж.М. Кейнс писал: «Проблемы нищеты и страданий слишком хорошо известны. <...> К тому же они охватывают огромную территорию и колоссальное количество населения. <...> Помимо всего прочего они должны сигнализировать нам о том, как на завершающей стадии катастрофы болезнь тела становится болезнью духа» [22, р. 250]. Люди, предупреждал Дж. Кейнс, не всегда готовы умирать спокойно. Не следует забывать и о том, что сам термин «третий мир» происходит фактически из той же связки. Именно опасность, затаившаяся в недрах непонимания Западом нужд и чаяний бывших колониальных стран, в порочной политике продолжения их эксплуатации имел в виду французский социолог А. Сови, в 1952 г. назвавший эти страны «третьим миром». Глубокий социально-психологический смысл, который вложил А. Сови в это название, заключался в сравнении бывших колоний с третьим сословием кануна Французской революции XVIII в. — притесняемым, бесправным, но желавшим «стать чем-то» [29].

Таким образом, если альтруизм, по О. Конту, является противоположностью эгоизма, то следует признать, что в теории развития этого противопоставления не существует. В прикладном значении альтруизм оборачивается не чем иным, как «неогоббсианским», «просвещенным» эгоизмом. Учитывая, что родиной концепции являются США, мы можем смело применить к ней еще одну характеристику, употребляемую самими американцами в тех случаях, когда их обвиняют в демагогичности и когда нужно найти материалистическое объяснение тому или иному внешнеполитическому курсу, — «прагматический идеализм».

Совершенно очевидно, что содействие развитию является совместным продуктом обеих канонических парадигм ТМО и «ответственность» за него несут как либералы, так и «реалисты», однако если попытаться определить порт его «приписки», то, несомненно, оно совершенно на законных основаниях должно обосноваться в ареале реалистической парадигмы, по соседству с его коренными обитателями — концептами национального интереса и безопасности.

Старт классическому дискурсу был дан в конце 1940-х годов, когда у американских интеллектуалов, представлявших внешнеполитический истеблишмент страны, созрела идея создания «глобального плана Маршалла». Он предполагал формирование самостоятельного междисциплинарного исследовательского поля, вбирающего в себя политический компонент с его долгосрочным пониманием безопасности и национальных интересов, социально-политический — с акцентом на демократизацию и воспитание западного человека и, наконец, экономический — с начинавшей формироваться смычкой «рост — развитие». Предложенной концепции были свойственны активизм, наступательность, ярко выраженное реформистское начало. Однако обострившиеся противоречия «холодной войны» обусловили тот факт, что мощный социально-экономический и социально-психологический заряд, заложенный в американскую реформаторскую идею, не успел сработать. Это сказалось на теории: намечавшийся широкий спектр подходов утратил привлекательность, содействие развитию перестали рассматривать в качестве инструмента реализации национальных интересов в их широкой интерпретации, и на передовые позиции вышло вполне традиционное для «реалистов» их толкование.

На протяжении почти всей декады 1950-х годов теория содействия развитию формировалась в рамках «классики» политического реализма, согласно которому необходимость помощи «отсталым» странам диктуется стратегическими интересами, следовательно, программы СМР должны работать только в государствах, важных с точки зрения идеологического и геополитического противостояния Запада советскому влиянию. В практической политике этот подход выразился в американском Законе о коллективной безопасности 1951 г., надолго закрепившем приоритет военной и военно-экономической помощи как инструмента западных стран в борьбе с мировым коммунизмом. Для подтверждения этого тезиса можно привести в пример «план Коломбо», направленный на экономическое развитие Южной и Юго-Восточной Азии. Главная задача плана, принятого на совместной конференции представителей стран Британского содружества в 1950 г., состояла в ослаблении национально-освободительных процессов в бывших колониях (а также государствах, на тот момент еще остававшихся в прямой зависимости от Великобритании), которые в то время отождествлялись Западом с угрозой коммунизма.

Однако если в качестве мотивационной детерминанты СМР служил привычно «реалистический» концепт безопасности, то методы, которыми девелопменталисты предлагали обеспечить ре-

лизацию этих интересов, были заимствованы из арсенала сторонников либеральной парадигмы. В первую очередь имеется в виду кейнсианская концепция государственного вмешательства в экономическую и финансовую сферы развивающихся стран.

Начиная примерно со второй половины 1950-х годов в мотивационном «обеспечении» СМР произошли существенные сдвиги. Теория развития, как видно, несколько окрепнув, встала на «собственные» ноги и попыталась обрести самостоятельный, независимый от политической конъюнктуры научный статус. В истории девелопменталистики начался этап главенства «теории экономического развития». Безопасность как основная детерминанта СМР, конечно, из дискурса не ушла, однако превратилась в важное, желаемое, но все же «побочное» следствие содействия экономическому развитию, ставшему в те годы практически самостоятельной целью СМР. Экономисты, представлявшие раннюю парадигму развития, считали, что социально-экономический прогресс напрямую способствует установлению политической стабильности на планете, следовательно, чем быстрее повысится уровень жизни населения бывших колоний, тем надежнее будет безопасность всех членов мирового сообщества, в том числе западных стран. Таким образом, в постоянном компоненте СМР «безопасность — развитие» произошло некоторое ослабление его первого элемента и соответственно усиление второго, а теория, пытаясь выправить слишком явно выраженный крен девелопменталистики в сторону «секьюритизации»⁴, усилила акценты именно на развитии.

В теории развития 1950—1960-х годов господствовала линейная модель модернизации, в рамках которой считалось, что она вызывает изменения во всех областях человеческой жизни, порождая процессы индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, повышения грамотности и расширения доступа к образованию, становления современных политических институтов. Своеобразной мантрой для сторонников этой модели служил экономический рост. Считалось, что достаточно достичь экономического роста — и это неизбежно вызовет цепную реакцию в других сферах. В рамках линейной модели процесс модернизации рисовался как унификация, постепенная конвергенция обществ [10, с. 146].

На рубеже 1940—1950-х годов возникла теория порочного круга нищеты (Г. Зингер, Р. Пребиш), в основе которой лежала идея о том, что повышение качества жизни сводится «на нет» опережающими экономический рост демографическими показателями развивающихся стран. Согласно кейнсианству, следствием роста бед-

---

⁴ Подробнее о феномене секьюритизации развития см.: [2].

ности неизбежно становились социальная турбулентность и политическая нестабильность, создававшая опасность прихода к власти партий леворадикального толка. Таким образом, к «порочным кругам бедности» добавлялись еще и «порочные круги нестабильности».

Проблему финансовых ресурсов для инвестиций, призванных способствовать индустриализации стран «третьего мира», теоретики-девелопменталисты решали с помощью концепции «большого толчка», предложенной еще в 1943 г. австрийским ученым П. Розенштейн-Роданом и адресованной тогда государствам Восточной и Юго-Восточной Европы. Согласно этой теории, вывести экономику стран «третьего мира» из состояния застоя и инертности, что и было первейшей задачей и необходимым условием модернизации, можно только с помощью внешних капиталовложений. В международном масштабе государственное вмешательство извне считалось катализатором перехода («прыжка») экономики из стагнации на «оперативный простор» роста. Задача содействия развитию (инвестиции капитала, передача отсталым странам передовых технологий) рассматривалась как одноразовый импульс.

Именно концепция «большого толчка» стала теоретическим оружием кейнсианства (точнее, уже некейнсианства) в экономике развития. Особую популярность она приобрела в 1960-е годы, когда с теорией самоподдерживающегося роста выступил У. Ростоу. Американский ученый обозначил пять стадий социального развития: традиционное общество, период предпосылок для взлета, взлет, движение к зрелости, эпоха высокого массового потребления. В формате такого подхода на первый план выходило соотношение инвестиций и темпов роста валового национального продукта, а социальный и институциональный аспекты оставались в тени [9, с. 45].

Однако практика СМР выявила серьезную проблему: темпы экономического роста были достаточно высокими, но не приводили к улучшению качества жизни большинства населения развивающихся стран. Ученые обнаружили, что экономический рост сопровождался усилением неравенства в распределении доходов, разрыв между бедностью и богатством лишь увеличивался. Развивающиеся страны не могли одновременно достичь высоких экономических показателей и социальной справедливости. Результатом прошедших лет оказания помощи отсталым государствам стало и усиление их внешнеэкономической зависимости. Критика теории и практики развития звучала все жестче, и особенно чувствительным классическое направление оказалось к критике «слева».

В этом не было ничего удивительного, поскольку она исходила из самого «третьего мира», ставшего родиной леворадикальной па-

радикалы. Преимущественно это была критика со стороны «новых левых» и неомарксистов, отражавшая разочарование стран, считавших себя обделенными в результате международного разделения труда. В 1960–1970-е годы леворадикальная парадигма достигла пика популярности.

Интересно отметить, что некоторых ярких представителей этого направления девелопменталистики в него привели убеждения в практической несостоятельности классической теории. Так, Р. Пребиш, известный миру в качестве одного из наиболее острых критиков «периферийного капитализма» и неравноправного разделения труда между развитыми капиталистическими державами и экономически зависимыми странами, т.е. «классический» представитель и один из родоначальников леворадикального подхода, прежде чем перейти в стан оппонентов общей теории развития, был приверженцем кейнсианства и разделял мнение о возможности реформирования капитализма и прогресса «третьего мира» в условиях сырьевой специализации и опоры на иностранный капитал. Не один Р. Пребиш — поначалу многие лидеры и ученые стран «третьего мира» представляли себе проблему отсталости несколько упрощенно, лишь как технико-экономическую. Немалую роль в этом сыграл пример Советского Союза: вдохновленные опытом индустриализации в СССР, а также рассказами о том, как в короткие сроки там преодолели, например, такой свойственный всем отсталым обществам порок, как безграмотность, многие представители «третьего мира» оптимистично оценивали возможности модернизации своих стран. Неудачи на пути реализации этих замыслов подвели ученых к заключению о том, что предложенные ранее теории не применимы к «третьему миру».

Леворадикальные концепции, наиболее завершенными из которых являются теория зависимого развития (Р. Пребиш, П. Баран, С. Фуртадо, А. Эммануэль, С. Амин и др.) и мир-системный подход (А. Франк, И. Валлерстайн и др.), сосредоточили внимание на антагонизме между развитыми и отсталыми странами. Общим ядром этих концепций стала убежденность в том, что причиной отсталости «третьего мира» являются представленные западным капиталом внешние силы. Различия между подходами в основном сводились к объяснению факторов, способствующих отсталости. Неомарксисты считали ее результатом внешнего воздействия центра на периферию, в то время как приверженцы концепции зависимого развития называли отставание периферии в условиях исторического неравноправия богатого Севера и бедного Юга естественным и неизбежным. По-разному они видели и пути преодоления отсталости. Неомарксисты утверждали, что единственно верный путь модернизации обществ периферии — разрыв отноше-

ний с центром и социалистическая революция. Представители школы зависимого развития убеждали в необходимости реформ, подчеркивая, что проводить их следует как на национальном, так и на общем мирохозяйственном уровне, и настаивая на активизации самих развивающихся государств.

Практические итоги первых декад теории развития вызвали ее критику не только со стороны леворадикальной парадигмы. Не приносившее ожидаемых результатов «расточительство» неокейнсианцев вызывало недовольство многих, в первую очередь приверженцев конкурировавшего с неокейнсианцами *неоклассического* направления. Осмыслением звучавшей с разных сторон критики был обусловлен следующий «поворот» теоретической девелопменталистики, вобравшей в себя предложенные неоклассиками концепты.

Их критика кейнсианского подхода показала, что борьба с отсталостью не сводится только к обеспечению экономического роста, а включает более широкий спектр задач, прежде всего проведение реформ, способствующих превращению традиционной экономики в современную. Разработанная представителями этого направления новая концепция модернизации получила название *теории дуалистической экономики*. Развитие при таком подходе понималось как преодоление дуализма между традиционной, доиндустриальной и современной, индустриальной экономикой. С точки зрения неоклассиков (У. Льюис, Дж. Фей, Г. Раннис и др.), главным недостатком теорий кейнсианства было то, что в их формате экономический рост представлял собой улучшение лишь технико-экономических параметров, не затрагивающее весь комплекс социально-экономических условий. Изменилось и еще одно крайне важное положение девелопменталистики: если раньше теория исходила из того, что у отсталых стран в принципе не существует никаких возможностей для развития, следовательно, решающими являются внешние факторы, то неоклассики утверждали: главным условием экономического роста должна быть опора на внутренние ресурсы. Фактически это в значительной степени ослабляло влияние капитального фундаментализма на теорию и практику СМР. На первый план вышли структурные преобразования в самих странах «третьего мира». В процессе эволюции теории развития эти положения стали значительным шагом вперед.

Однако и такие усовершенствованные модели модернизации имели свои недостатки. В теориях дуализма были недооценены сложность и болезненность процесса трансформации традиционных обществ. Неоклассики (как и неокейнсианцы) отказывались признавать несостоятельность переноса исторического опыта развитого общества на страны «третьего мира». Все это предопреде-

лило рост интереса к *институциональным теориям* модернизации, которые отличались от неокейнсианства и неоклассических теорий методологической основой [9, с. 113]. Постепенно фокус внимания ученых-девелопменталистов стал расширяться: если раньше они были сосредоточены главным образом на изучении экономических аспектов развития, то теперь их все больше привлекала социология. Институционалисты настаивали на том, что теория должна уделять первостепенное внимание типам государственного и общественного устройства, культуре и традициям, роли нравственных ценностей конкретного общества, а также окружающей среде и ресурсам. Модернизационная перспектива изменилась: на смену линейной пришла парциальная (частичная) модель, сторонники которой видели необходимость и неизбежность институционализации в одном и том же обществе модернизированных и традиционных структур. Это было шагом в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики [10, с. 146–148].

Одной из наиболее значимых вех в эволюции теории развития стала вышедшая в свет в 1968 г. трехтомная работа шведского ученого Г. Мюрдаля «Азиатская драма: исследования бедности народов» [25], написанная с позиций институционализма и наглядно показавшая несоответствие теории экономического роста потребностям «третьего мира». Главную причину отсталости автор усмотрел в неполном использовании людских ресурсов. При этом объяснение данному явлению он видел в социально-психологических особенностях населения: в силу укоренившихся в восточном обществе традиций люди там не заинтересованы в труде, им незнакомо чувство ответственности, они не понимают, что такое трудовая дисциплина. Все беды развивающихся стран, по мнению ученого, обусловлены преобладанием архаичных институтов, пронизывающих социальную, экономическую и духовную жизнь. Г. Мюрдаль считал, что только реформы в сферах контроля над ростом населения, здравоохранения, образования и распределения земель могли способствовать развитию стран Юго-Восточной Азии и решению социальных проблем этого региона [5, с. 102–103].

Вытекающие из многомерного подхода Г. Мюрдаля концепция базовых нужд и проблема «человеческого капитала», впоследствии развитая Т. Шульцем, означали старт нового этапа эволюции теории развития. В ее фокусе оказалась проблема личности, что логически влекло за собой и корректировку практических подходов — долгосрочной целью и основной мерой развития стал «человек».

В 1970-е годы приоритетом практики развития была борьба с бедностью. Человеческая личность, ставшая главным объектом СМР, «примирила» и обогатила различные подходы внутри тео-

рии. Фактически институционалисты, выйдя за рамки доминировавшей парадигмы, показали, что «экономика развития» превратилась в «прокрустово ложе» деvelopeмента и уже не могла единолично представлять данную научную дисциплину. Развитие оказалось более глубоким и многоаспектным понятием, и хотя экономика осталась одним из его «китов», эпоха ее лидерства закончилась.

Практически одновременно радикальная критика в адрес классической теории зазвучала и «справа». Нападкам подвергся интервенционистский курс парадигмы. Формат этой критики был задан «консервативной волной» второй половины 1970–1980-х годов, а главными «нападавшими» выступили приверженцы неолиберализма. В истории деvelopeменталистики начался период «неоклассической контрреволюции». Ее самыми известными идеологами стали П. Бауэр, Д. Лал, Я. Литтл, Г. Джонсон, Б. Баласса, Д. Саймон, Д. Бхагвати и Э. Крюгер. Несмотря на различия во взглядах, при оценке причин неудач политики СМР «контрреволюционеры» оказались едины: все они были убеждены, что именно чрезмерное вмешательство государства в экономику, а также повсеместная коррупция и безынициативность тормозят развитие «третьего мира».

Углубление кризиса в теории развития произошло после публикации в 1985 г. статьи американского экономиста и бизнесмена Д. Бута «Марксизм и социология развития: к вопросу об интерпретации тупика» [15]. В работе, по существу, был задан новый дискурс — о роли развития в условиях глобализации. Конец «холодной войны» придал этому дискурсу мощный импульс. Рост популярности постмодернистских подходов способствовал распространению суждений о «коллапсе модернистского проекта», теория международного развития практически перестала восприниматься в качестве самостоятельной научной дисциплины, а само развитие вступило в фазу, чуть позже в специальной литературе названную «тупиком» и «постдеvelopeментом».

С определенной долей обобщения можно сказать, что четыре основные причины привели к созданию ситуации «тупика» или даже «паралича» в развитии: неудовлетворительные результаты предшествующих лет, увеличившийся разрыв внутри стран самого «третьего мира», постмодернистская критика и пессимизм в отношении реализации просвещенческого идеала эмансипации всего человечества и, наконец, сама глобализация. Под напором этой критики рухнули основные положения послевоенной парадигмы развития: восприятие «третьего мира» в качестве гомогенной структуры, беспрекословная вера в просвещенческую трактовку прогресса и возможность «рукотворного» реформирования чело-

веческого общества, отношение к государству как главному субъекту международных отношений и уверенность в том, что именно государство в состоянии обеспечить прогресс общества.

Таким образом, в 1980-е годы получившая суровый приговор девелопменталистика оказалась на грани выживания. Ее дальнейшая судьба зависела от того, насколько ученые сумеют приспособить теорию к реалиям нового этапа в истории человечества — эпохе глобализации.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартенев В.И.* Влияние событий 11 сентября 2001 г. на политику США в сфере содействия международному развитию // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 184—218.

2. *Бартенев В.И.* Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций. 2011. № 3. С. 37—50.

3. *Бокарев Ю.П.* Теории модернизации и экономическое развитие [Электронный ресурс] // Фонд исторической перспективы [Официальный сайт]. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/teorii_modernizacii_i_ekonomicheskoe_razvitije_2010-04-13.htm (дата обращения: 12.06.2013).

4. *Борштолец К.П.* Разрыв между Севером и Югом // Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

5. История экономических учений (современный этап) / Отв. ред. А.Г. Худокормов. М.: ИНФРА-М, 2009.

6. *Капица Л.М.* Иностранная помощь и развитие: теория и практика // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4 (19). С. 70—98.

7. Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию (утверждена Президентом РФ 14 июня 2007 г.) [Электронный ресурс] // МИД РФ [Официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/00cc9154529e1c7fc32575bc002c6bb5!OpenDocument> (дата обращения: 15.06.2013).

8. *Мюрдаль Г.* Современные проблемы «третьего мира». М., 1972.

9. *Нуреев Р.М.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики / 2-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2010.

10. *Побережников И.В.* Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146—168.

11. Содействие международному развитию: Курс лекций / Отв. ред. В.И. Бартенев, Е.Н. Глазунова. М.: Всемирный банк, 2012.

12. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева и др. М.: Советская энциклопедия, 1983.

13. *Яковлев А.И.* Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX—XX веках. М.: ЛЕНАНД, 2010.

14. *Blair T.* Speech at the Labour Party Conference. October 2, 2001 [Electronic resource] // The Guardian [Official website]. URL: <http://www.guardian.co.uk/politics/2001/oct/02/labourconference.labour6> (accessed: 15.06.2013).
15. *Booth D.* Marxism and Development Sociology: Interpreting the Impasse // World Development. 1985. Vol. 13. № 7. P. 761–787.
16. Challenging the Aid Paradigm: Western Currents and Asian Alternatives / Ed. by J.S. Sorensen. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
17. The Companion to Development Studies / Ed. by V. Desai, R. Potter. Hodder Education, 2008.
18. *Dengbol-Martinussen J., Engberg-Pedersen P.* AID: Understanding International Development Cooperation. L.; N.Y., 2003.
19. The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power / Ed. by W. Sachs. L.: Zed Books, 1992.
20. Foreign Aid and Development: Lessons Leant and Directions for the Future / Ed. by F. Tarp. L.: Routledge, 2000.
21. Human Development Reports (1990–2010) [Electronic resource] // United Nations Development Programme [Official website]. URL: <http://hdr.undp.org/en/reports> (accessed: 16.06.2013).
22. *Keyne J.M.* The Economic Consequences of Peace. N.Y.: Hartcourt, Brace, and Howe, 1920.
23. *Lancaster C.* Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics. Chicago: University of Chicago Press, 2007.
24. *Lippmann W.* Early Writings. N.Y., 1970.
25. *Myrdal K.G.* Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. Vol. I–III. N.Y., 1968.
26. OECD-DAC. 1996. “Shaping the 21st Century: The Contribution of Development Cooperation”. Development Assistance Committee [Electronic resource] // OECD [Official website]. URL: <http://www.oecd.org/data-oecd/23/25/250874.pdf> (accessed: 15.06.2013).
27. *Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
28. *Rostow W.W.* The Take-off into Self-Sustained Growth // The Economics of Underdevelopment / 2nd ed. L., 1960. P. 154–186.
29. *Sauvy A.* Trois mondes, une planète // L’Observateur. 14 août 1952.
30. *Van der Veen, Maurits A.* Ideas, Interests and Foreign Aid. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.